

18+

**СМЕРТЬ
РАДИ ЖИЗНИ**

**ВИКТОР
УЛИН**

Виктор Улин

33. Смерть ради жизни

«Издательские решения»

Улин В.

33. Смерть ради жизни / В. Улин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-605777-7

Библейские заповеди запрещают убивать. Но является ли убийцей человек, который обезвреживает террориста, но спасает при этом десятки жизней заложников, вовлеченных в экстремальную ситуацию? Снайпер-антитеррорист живет над заповедями, поскольку охраняет мир, даже если не носит голубую каску. Но он тоже человек, ему хочется покоя и любви, он ищет их, хоть и не всегда находит. Эта книга не основана на реальных событиях, место и действие достаточно условны, но проблемы не становятся менее острыми. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-605777-7

© Улин В.

© Издательские решения

Содержание

I		6
	1	6
	2	9
	3	12
	Конец ознакомительного фрагмента.	15

33

Смерть ради жизни

Виктор Улин

*Штеффену Требсу и Михаэлю Руддеку
– моим немецким кадрам*

Дизайнер обложки Виктор Улин
Фотограф Виктор Улин

© Виктор Улин, 2024
© Виктор Улин, дизайн обложки, 2024
© Виктор Улин, фотографии, 2024

ISBN 978-5-0060-5777-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

***«Кто убьет какого-либо человека,
тот предан будет смерти».***

(Лев. 24:17)

I

1

– Михаэль, ты слышать меня? – раздался в блютузе голос напарника.

– Слышать, слышать, – я автоматически кивнул, не отрываясь от прицела. – Слышу тебя хорошо, Штеффен.

Магазин – небольшой убогий супермаркет – представлял собой коробку со стеклянными стенами. Расстояние через улицу было небольшим, для позиций всегда выбирались ближайшие квартиры второго этажа.

Тонировка стекол отличалась от российской, позволяла мне различать фигуры находящихся внутри. Но все-таки я не мог достоверно определить отношение людей друг к другу.

– Так ты говоришь, он там один? – в который раз уточнил я.

– Он один, никого больше никто нет, – ответил Штеффен через несколько секунд.

– Точно один? Ты не ошибся?

– Я даю тебе полный гарантирен.

Я перевел дыхание.

То, что террорист был один, давало шанс на успех.

– Он требует мешок с пятью миллионами евро?

– Ты немножечко ошибаешься, Михаэль, – немец нервно усмехнулся. – Он требует десять миллионов. Также вертолет, который доставит его в страну, которая не выдает террористов.

– А на карте осталась страна, которая не выдает террористов? – я пожал плечами, точно он мог меня видеть. – Какое-нибудь Тринидад-и-Тобаго? И вертолет, который на полдороги грёбнется в океан?

– Мой гроссфатер сказал бы *«пизданёцца»*, – невозмутимо поправил Штеффен. – Это одно из первых слов, которому он учил.

– Твой гроссфатер молодец, – согласился я. – Настоящий русский человек.

В самом деле, не будь мой напарник на одну четверть русским, мне бы вряд ли удавалось легко с ним общаться.

Дед Штеффена представлял классический образец человека, которому выпало несчастье жить в стране, где, по словам вождя, *«не было пленных, а были только предатели»*.

Попав в окружение летом сорок первого года – как неисчислимые тьмы других солдат, по вине бездарных командиров с большими звездами на обшлагах – он угодил в концлагерь. Но там не умер, только переходил из *«кацета в кацет»*. Когда кровавый Жуков взял Берлин, положив десять дивизий на Зееловских высотах, чтобы сделать Сталину подарок к 1 Мая, лагерь попал во французскую зону и это спасло Штеффенова деда от дальнейших мучений. Он, конечно, не знал, что на родине его ждет другой лагерь, с лесоповалом за Полярным кругом и откормленными охранниками, натравлявшими овчарок на людей. Но у него по какой-то причине нагноилась нога, его отправили в госпиталь, откуда он попал в лагерь для перемещенных лиц, потом познакомился с будущей бабкой Штеффена. Русский пленный был красив, как черт, молодая немка влюбилась с первого взгляда, ее не остановило даже то, что запущенную ногу пришлось отнять выше колена и остаток жизни дед провел сначала на костылях, потом в коляске.

Все это Штеффен поведал однажды, когда мы с ним очень сильно напились в баре. Я сильно пожалел, что дед напарника умер в 1998 году – пережив лет на тридцать инвалида своего уровня в родной стране, где так вольно дышит человек – и я не могу поехать в Германию и поговорить с ним по-русски.

Сам я свою великую родину ненавижу сейчас до такой степени, что забросал бы ее ядерными бомбами, начал с Москвы и первую кинул на Кремль.

Но это относилось к разряду размышлений, не имеющих под собой реальной почвы и потому бесполезных.

– Сколько там человек? – спросил я. – Сколько гражданских лиц взято в заложники?

– *Sieb'n «nd Zwanzig. Vielleicht doch mehr.*

Штеффен говорил по-русски лучше, чем пермский сброд, относящийся к носителям языка, который окружал меня в родном городе.

Чуть заметный мягкий акцент делал его речь лишь более выразительной.

Но в минуты наивысшего нервного напряжения он автоматически перескакивал на немецкий, и я его понимал. Мне самому хотелось говорить сплошным матом, но я знал, что переговоры записываются, и не хотел засорять эфир нецензурщиной.

– Это много, – сказал я. – Хотя достаточно даже одного.

– *«ch glaube auch, Scheisse.*

– Что будем предпринимать? Как ты видишь ситуацию со стороны?

– Что ты видел сам, Михаэль? – не отвечая, уточнил он.

Все-таки Штеффен был профессионалом – в отличие от меня, подвизающегося любителя.

– И видел и вижу сейчас его круглую морду, – ответил я. – Темные очки и борода, наверняка наклеенная.

– Я тоже так думаю, Михаэль. Они дураки, считают, что борода все спасет.

– Теперь о деле, – сказал я. – По тому, что я вижу. Оно может оказаться сложнее, чем кажется. И я не справлюсь без твоей помощи, камрад.

– Весь внимание, – ответил Штеффен.

– Ты меня хорошо понимаешь?

Вопрос был излишним, но я задавал его всегда.

– Да. Очень хорошо. Слушаю тебя, Михаэль.

– Я вижу его в прицеле. Если судить по униформе, сейчас он захватил кассиршу. У него классика – «Кольт М11», 45-й калибр.

– Мне этого не увидеть, Михаэль, я должен перейти на другое место.

– Стой, Штеффен! – остановил я. – *Stehen und zuhören.*

В минуты наивысшего напряжения напарник вкраплял в речь немецкие слова, я тоже, для его лучшего понимания, говорил те, которые знал.

– *Ja, Michael. «ch stehe und höre zu.*

– Повторяю. У него «Кольт». Курок взведен и он давит в висок этой кассирши так, что синяк пройдет через неделю.

Я помолчал.

– Его переносица у меня на пеньке...

– ...Пеньке?

– Ну да. Так устроен мой прицел.

– Послушай, Михаэль. Может быть, тебе принести хорошую американскую винтовку вместо твой полторавековой?

– Штеффен, я тебе сто раз говорил, что американские винтовки – говно. *Die Schweinendrecke.* Моя Мосина образца тысяча восемьсот девяносто пятого – тридцать восьмого лучшая в мире. На войне даже немецкие снайперы пытались обзавестись такими. Кучность боя запредельная, я работаю его на «33 – 33»...

– Я забыл, что есть «тридцать три, тридцать три», Михаэль.

– Снайперский отсчет между двумя выстрелами. На самом деле я сниму его одним, но...

Напарник молчал, он умел слушать.

А в таких делах, как операция по освобождению заложников, требовалось все, что угодно, кроме торопливости.

Хотя я и сам не всегда понимал, каким образом оказался в этом маленьком восточноевропейском городке и почему мне позволили выполнять такую работу.

– ...Но пока моя пуля летит, он успеет выстрелить в кассиршу.

– Что будем делать?

– Мне нужна твоя помощь, Штеффен.

– *Was zu tun?* Я сделаю все, что надо, Михаэль.

– Да, вот еще. Мы с тобой тут появились позже. Туда ходил переговорщик?

– Ходил. Террорист не стал слушать, поднял пистолет и выстрелил в потолок. Сказал что следующий будет в заложницу.

– Ясно, Штеффен...

Я вздохнул.

– ...Значит, иного выхода у нас нет.

– Нет, Михаэль. Начальство тоже считает так. Какой по счету он будет у тебя?

– Тридцать первый, Штеффен. Тридцать первый. Как по-немецки «взвод», я забыл?

– Который взводит пистолет?

– Нет, который меньше роты. *Weniger als Kompanie, verstehe?*

– *Ah, so... Der Zug.*

– Так вот, Штеффен. Я расстрелял уже *die ganze Zug* таких уродов. Если бы делал зарубки, моя винтовка осталась бы без приклада. Лучше убить одного, но спасти жизнь двадцати семи.

Штеффен пробормотал что-то согласное.

– Правда, на нем нет бомбы. Или есть?

– Бомбы нет. Переговорщик очень опытный и он бы заметил. Но это не дает разницы.

– Не дает разницы, Штеффен. Я убью его, даже если бы там была одна кассирша. Если тебе нужен миллион евро – ограбь банк или взорви алмазную шахту, но не угрожай жизни беззащитного человека.

Напарник промолчал – он знал, что я знаю, что он согласен со мной.

2

– *Verdammt noch mal*, Михаэль! *Zum Teufel*, черт тебя побрал!

Смешок Штеффена вышел нервным.

– Теперь я знаю, почему ты так долго лежишь там и смотришь в прицел.

– Я не понимаю тебя, Штеффен.

Я в самом деле не понимал, что хочет сказать напарник.

– Я перешел на другую сторону и посмотрел в бинокль. Террорист не просто схватил эту кассиршу, он ее раздел. Я бы на твоём месте тоже ей любовался.

Я прикинул в окуляру, перевел прицел ниже.

Бородатая морда террориста уплыла влево, в перекрестье показалась заложница, которую до этого момента я видел лишь как фигуру в игре.

Сейчас я ее рассмотрел.

Женщине, вероятно, было довольно сильно за тридцать. Она в самом деле работала кассиршей: на лацкане черного жакета белел бейдж, их носили только на кассе, обычные продавцы к своим красным жилетам ничего не прицепляли.

У нее было красивое, сильное лицо, не испорченное даже выражением холодного ужаса, и длинные русые волосы. Как ни странно, брюнеток среди южных славян в этом регионе я почти не встречал.

Террорист держал ее жестоко. Жакет сбился на сторону, белая кофточка вылезла из черной юбки и сползла наверх, под ней я увидел смятый край телесного бюстгалтера и выпавшую грудь.

Бюст у женщины был хорош. В иной ситуации и ином жизненном состоянии я бы с такой познакомился. Но сейчас, в глазок универсального прицела, который в годы минувшей войны ставили куда угодно, даже на танки, все выглядело как-то не так, как в жизни.

И даже белое женское тело казалось нереальным.

– Ну что, Михаэль, видел? – напомнил Штеффен.

Напарник словно находился рядом, следил за моими действиями и читал мысли.

Он понимал меня лучше, чем кто бы то ни было; такого друга, как немецкий камад, у меня никогда не имелось среди русских.

Штеффен тоже в любой ситуации оставался мужчиной.

Впрочем, не отвлекаясь на ненужные детали, в подобной ситуации стоило сойти с ума.

– Видел, – признался я. – Когда все кончится, я приглашу девушку в бар и мы отметим ее второе рождение.

– Что делаем, Михаэль?

– Подожди еще чуть-чуть, я сейчас сориентируюсь. У нас ведь есть время, ему что-то можно пообещать? Я слышал, что-то говорили в мегафон, но я ведь не понимаю язык.

– Да, Михаэль, ему сказали: «*Ваши требования будут удовлетворены, джип с деньгами уже на пути, и он доставит вас на площадь, где возможна посадка вертолета...*» Немного времени у нас имеется.

Я медленно повел прицелом туда и сюда, оценивая общую картину.

Террорист держал кассиршу левой рукой, пистолет в ее висок вдавливал правой и сам смотрел налево.

Справа от него на высоте метров двух между стеллажами висели часы с Микки-Маусом на циферблате. Я подумал, что самым лучшим сейчас было бы попросить Штеффена дать длинную очередь из пистолет-пулемета «Узи» как раз по диснеевской убогой картинке. Это вынудило бы террориста обернуться на грохот и в этот момент я мог всадить ему пулю в лоб.

Но разносить в клочья Микки-Мауса не имелось возможности. Прежде, чем ударить по стене, пулям предстояло разбить стеклянную стену, при этом звуке бандит мог убить кассиршу.

Отвлечь его следовало иным способом.

В том, что это удастся, я не сомневался.

Судя по тому, как держался этот мерзавец, у него были железные нервы. Но даже выкованный из железа не мог инстинктивно не обернуться на омерзительный вой полицейской машины.

– Штеффен, – заговорил я. – Послушай меня.

– Слушаю, Михаэль.

– Террорист ориентирован налево, то есть от тебя направо. Если отвлечь его звуком слева, он повернется и невольно отведет пистолет. Ты согласен?

– Согласен.

– Надо включить полицейскую сирену слева от супермаркета. Слева, то есть от него справа.

– *Ja, richtig.*

– Ты сможешь объяснить это начальству?

– Да. Жди, Михаэль.

Не добавляя больше ничего Штеффен куда-то пошел.

Я слышал в блютузе голоса, близкие и далекие, перебивающие друг друга. Местный язык чем-то напоминал русский, но все-таки я его не понимал, отдельные немецкие слова ничего мне не говорили.

Впрочем, переговоры с руководителями операции лежали на Штеффене, он был тут главный, моим делом оставалось лежать на горячем подоконнике и ждать.

Ждать разрешения или приказа уходить, если бы внизу придумали что-то другое.

Я снова посмотрел в прицел на девушку. И подумал, что в самом деле, если все закончится хорошо, стоит посидеть с ней в баре.

Хотя, конечно, она могла и отказаться.

– Михаэль, это я, – опять заговорил напарник. – Они разрешили. Полицейский автомобиль готовый.

– Очень хорошо. Сирену включать по моей команде. *Nur mit meiner Signal. Abgemacht?*

– Да, Михаэль. Все готово, мы ждать твой сигнал.

Я сделал несколько глубоких вдохов.

Меня не волновало предстоящее убийство; я настрелял уже целый взвод.

Но я не ощущал себя убийцей, Моисеевы заповеди оказывались неприменимыми в реальной жизни.

Убийцей был простой солдат на войне, как бы она ни именовалась: империалистической, отечественной или «освобождением братских народов», которые не просили себя освобождать. Солдаты противоборствующих армий не являлись врагами друг друга, их погнали на фронт политики и генералы, которым любая война приносит пользу, они убивали по принуждению.

А террористы перестают быть людьми, их нужно отстреливать без жалости и без пощады.

Только в очень плохих фильмах мудрые переговорщики, выдав последовательность штампованных фраз уровня интернетских постов, убеждают злодея бросить пистолет, поднять руки и разразиться слезами. На самом деле все обстоит иначе.

Террориста, который захватил заложников, нужно уничтожать, как бешеного зверя. Впрочем, сравнение человека со зверем оскорбляет зверя.

Я никогда не витал в небесах и не был идеалистом; я не сомневался, что терроризм не удастся искоренить никогда, как нельзя искоренить воров, насильников, вандалов. Но, тем

не менее, каждый убитый террорист означал отрубленную голову змея, каждый мой точный выстрел спасал кого-то, оказавшегося не в нужном месте в ненужный момент.

Смерть, которую я нес нелюдям, была смертью ради жизни людей.

Убив тридцать человек, посягнувших на чужую жизнь, я знал, что убил бы еще столько же – убил еще триста, если бы мне позволяли работать дальше.

Но мне никто не собирался ничего позволять, да и эта работа была почти подпольной. Хотя никто здесь не мог делать ее лучше, чем я.

Я поудобнее перехватил винтовку.

Патрон был давно дослан.

Двумя пальцами я оттянул курок. Механизм послушно щелкнул, простой, как дуга.

Моя винтовка была идеальной, разве что перезаряжалась не на «33 – 33», а дольше. Винтовка Драгунова, конечно, имела куда более высокую скорострельность. Но мне предстояла не снайперская дуэль, мой выстрел всегда был первым и всегда – последним, поскольку в таком деле второго не бывало. Второй выстрел означал крах. Я должен был поразить цель с первой попытки, иначе не имело смысла все это затевать.

А для единственного выстрела винтовка Мосина являлась лучшим в мире оружием; управляемая твердой рукой, она могла поразить цель на расстоянии полутора километров, моя же дистанция составляла всего сто десять метров и рука моя была тверже стали.

Я навел прицел на переносицу террориста. Теперь уже не для того, чтобы его рассмотреть.

Мне требовалось попасть именно в лоб, сейчас только в лоб.

В иной ситуации я бы зарядил свою винтовку патронами с разрывными пулями, которые были запрещены Женевскими конвенциями, но оставались незаменимыми в работе снайпера-антитеррориста, когда несмертельное ранение цели грозит смертью мирным гражданам. Этими пулями меня снабдил добрый французский оружейник, когда узнал, с какой целью я откомандировываюсь из части. Откуда они оказались у него, меня не волновало; главным было то, что целая обойма таких покоилась в моем кармане.

Такой пулей я мог попасть куда угодно, хоть в щеку – она разнесла бы череп негодяя на мелкие осколки. Но между нами было стекло. Пуля не видела разницы, она разорвалась бы, столкнувшись с ним, а возможности сделать второй выстрел после того, как рухнет стеклянная стена, не было.

И поэтому я стрелял обычными патронами.

Я верил в себя, и еще больше – в винтовку.

Я переступил ногами, чтобы разгрузить слегка затекшие мышцы.

Сделал еще несколько глубоких вдохов, приводя себя в спокойное состояние.

Потом выбрал короткий, жесткий спуск своей «мосинки».

Левым ухом, свободным от блютуса, услышал перезвон внутренних пружин, понял, что дальше выбирать нельзя.

– *Fertig*, – сказал я очень спокойно, хотя хотелось крикнуть что было мочи. – *Los, Steffen*.

– *Zu Befehl*, – так же спокойно ответил напарник.

Прежде, чем до меня долетел полицейский вой, террорист в прицеле резко повернул голову направо.

Блестящий «Кольт» сам собой оторвался от виска кассирши.

Мой палец сам собой дождал спуск.

Винтовка сама по себе грохнула и ударила мне в плечо.

3

Я высунулся из окна.

До сих пор, проведя на горячем подоконнике бог знает сколько времени, я не видел, происходящего на улице. Не видел даже Штеффена, хотя он находился под окном, будучи ответственным за все, что сделаю я. Я или рассматривал в тубус оптики внутренности супермаркета или, закрыв глаза, думал и разговаривал через блютуз. Возня снаружи никак не влияла на результат того, что случится внутри, не давала ничего, и я не отвлекался от своей задачи. Я слился с винтовкой, сам превратился в ее дульный срез и остальное меня не волновало.

Но теперь все было кончено.

Внизу началась мирная суета – именно мирная, а совсем не такая, какая бывает, когда за темными стеклами в любой момент могут кого-то убить.

Бойцы антитеррора в черных формах устремились внутрь магазина, секунд через десять дверь распахнулась, оттуда хлынули заложники.

Я сработал на совесть, как всегда. Точнее, сработала моя винтовка, тоже найденная на оружейном складе во Франции.

Взяв ее на плечо, я вышел из комнаты.

Полицейский, сидевший в прихожей, вопросительно взглянул снизу вверх. Я молча кивнул и шагнул на площадку.

Дверь соседней квартиры открылась, появились хозяева этой, которая смотрела окнами на супермаркет и была освобождена для моей работы. Женщина в переднике, чуть моложе спасенной кассирши, и светловолосый мальчишка посмотрели на меня внимательно. Я криво улыбнулся и погладил парня по голове. После пули, посланной в чью-то голову, прикосновение к живому оживило. Оба что-то заговорили – не ответив, я повернулся и зашагал вниз по лестнице.

Больше всего сейчас мне хотелось пить.

Автомат Калашникова при стрельбе напоминал машину по постановке дымовой завесы. Винтовка Мосина имела минимальный форс пороховых газов из затвора, но все равно я чувствовал, что кисло пахну порохом, и от этого запаха меня мутило.

Убивал я ради жизни, но к убийствам так и не привык. Впрочем, привыкнуть к такому нормальный человек не мог, а ненормальным я не был.

Снаружи сияло солнце; его не волновало, что несколько минут назад кто-то висел на волоске от смерти. Впрочем, если бы этот вопрос волновал хоть кого-то, кроме тех, которые уже висят, смерть давно бы прекратила попытки.

Подъезд выходил во двор, дом прятался в общей структуре. Пока я выбирался на улицу и, показывая раздобытый Штеффеном аусвайс, миновал кордоны, у супермаркета начало устанавливаться какое-то подобие порядка.

Заложников куда-то увели, двое полицейских сосредоточенно фотографировали аккуратную дырку, пробитую моей пулей в стеклянной стене.

Около выхода на асфальте стояли носилки, на них лежал наглухо застегнутый мешок из черного пластика.

Смерть спряталась, под солнцем осталась жизнь.

По другую сторону от двери стояла русоволосая женщина в черной юбке и черном жакете, со стандартным теперь «полицейским» одеялом на плечах. В этих местах уже в мае было жарко, но так полагалось по правилам. Хотя, вероятно, ее бил озноб. Если бы я провел час с дулом 45-го калибра у виска, то сейчас, должно быть, вообще лежал в обмороке.

В оптический прицел я видел лишь ее лицо и тело по частям, в реальности оказалось, что женщина не отличается ростом.

Белая блузка под жакетом была аккуратно заправлена, ничего лишнего я уже не видел. Не видел я и пятен крови: на такой малой дистанции винтовочная пуля, имевшая начальную скорость почти девятьсот метров в секунду, прошла голову террориста насквозь и ушла глубоко в стену; наверняка эксперты сейчас возились, пытаясь выковырять ее без повреждений. Стреляя я разрывной – кассирша сейчас была бы с ног до головы залита кровью и забрызгана мозгами, ее униформу осталось бы выбросить.

Рядом с бывшей заложницей прислонился к стене долговязый Штеффен. Его голубая каска висела на локте, волосы были взъерошены – я отметил, что мой напарник сильно осунулся за эти часы. Ведь я лишь стоял на позиции, находясь в готовности к единственному выстрелу, а он мотался внизу, все видел, все слышал, все знал, и ко всему прочему разбирался с начальством вместо меня, исполнителя.

Увидев меня, он склонился к женщине, что-то сказал ей на ухо, потом показал рукой. Она вскинула голову и долго, внимательно смотрела в мою сторону.

Потом снова подняла лицо к нему, что-то спросила, что-то услышала в ответ и кивнула. Штеффен опять слонялся к ней и заговорил.

Ее хорошо очерченный профиль был еще сильнее и выразительнее, чем виделся сквозь прицел винтовки

На меня не обращали внимания.

Я законно проник сюда через «полицейскую линию», остальное никого не волновало.

Солдат без имени, «человек-никто», я был одет в неопределенную форму. На моем месте мог оказаться какой-нибудь кхмер, сбежавший от Пол Пота, но и на него никто бы не взглянул дважды.

Перейдя на другую сторону улицы, и присел на какую-то приступку около фасада и закрыл глаза. На самом деле, я устал не меньше, чем Штеффен.

– ...Михаэль, ты живой?

Я встрепенулся.

Передо мной стоял напарник.

– Живее всех живых, – ответил я и встал.

– Ты великий *Scharfschutze*, – Штеффен улыбнулся. – Попадал в голову, как в тире.

– Если бы все было на открытом месте, попал бы еще лучше. Он бы сейчас лежал вовсе без головы.

– У тебя есть разрывная пуля? – спросил напарник, сразу поняв меня. – Дум-дум?

– Лучше. Ртуть, – я вздохнул и добавил. – *Quecksilber*... или как там по-немецки, не знаю.

– Они запрещены конвенцией.

– Тебе – да. Мне – нет. Я иностранный наемник, гражданин черт знает какой страны, меня тут вообще как бы нет. И мне плевать на конвенции. Понимаешь?

– Понимать, – Штеффен кивнул. – Тебе, Михаэль, это...

Он щелкнул длинными пальцами, выбирая в памяти слово.

– ...Гроссфатер говорил... по-позже.

– По пизде, – поправил я. – По-пи-зде. А также похую. И до жопы.

Напарник кивнул.

– На самом деле все это неважно. *Quatsch*. Понимаешь?

– Да.

– Главное, что заложники целы и девушка жива.

– Она не есть девушка, Михаэль. Она...

– И это неважно, – перебил я. – Она жива. А террорист мертв.

– Михаэль, ты есть герой. Я тебе хотел сказать это сразу, ты свернул на другую тему.

– Я не есть герой. Я просто делал свою работу. Но формально ее делал ты, а не я. Я не шарфшутце, даже не солдат-миротворец. Я никто, меня не существует в отчетах, а вот тут я стою лишь благодаря тебе, камрад.

– Михаэль, *Scheisse*...

– Кто – я?

Я усмехнулся.

– Нет не ты, – серьезно возразил Штеффен. – Я хотел сказать «*иттвоюмать*». Это несправедливо.

– Что именно несправедливо?

– *Das ganze Leben*. Вся эта жизнь, Михаэль. То, что ты тут никто. Что за эту операцию меня наградят, а тебя нет. Ты воюешь как француз, ты уничтожил тридцать один террорист, тебя должны наградить орденом Почетного Легиона, но ты не гражданин Франции, ты гражданин России и тебя здесь нет.

– Все вообще несправедливо, Штеффен. Справедливость умерла еще до нашего рождения.

Я замолчал, напарник вынул из кармана мобильный телефон и посмотрел время.

– Куда-то спешишь? – спросил я.

– Нет. А ты?

– Мне вообще некуда спешить. Эта операция была последней. Закрываю счет на тридцать первом номере. Тридцать второго уже не будет. Пойдем в магазин, купим *ein grosse Messer* и я сделаю зарубки на прикладе. Из этой винтовки все равно уже никто не будет стрелять. Я скоро уезжаю во Францию. Там сдаю оружие, получаю деньги и свои настоящие документы и возвращаюсь в Россию. Вот и все, Штеффен.

– Нет, не все, Михаэль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.